
Протоиерей Константин Костромин

Эстонские церковно-приходские школы Петербургской епархии

УДК 94(41/99)+271.2-47(470.23-25)(=511.113)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_270
EDN WNEVAV

Аннотация: История эстонской православной диаспоры только начинает изучаться, и потому школьный вопрос пока остается практически неисследованным. Сведения из отчетов братства св. Исидора Юрьевского, а также из документов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга позволяют составить общее представление и проследить динамику развития эстонских церковно-приходских школ губернии. Доминировала, конечно, петербургская школа, весьма заметная на фоне русских церковно-приходских школ, однако с ней вполне конкурировали другие школы благочиния, например школы в Нарве и Гатчине. Сильная конкуренция со стороны русских приходских, земских и лютеранских школ сделала становление этой сети школ трудным, однако в целом они смогли выдержать эту конкуренцию.

Ключевые слова: история Русской Церкви, Санкт-Петербургская епархия, церковно-приходские школы, школьный вопрос, эстонские школы, благочиние, начальное образование, Павел Кильбуш.

Об авторе: **Протоиерей Константин Александрович Костромин**

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Для цитирования: Костромин К., прот. Эстонские церковно-приходские школы Петербургской епархии // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 270–282.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 28.03.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Archpriest Konstantin Kostromin

Estonian Parochial Schools in the St. Petersburg Diocese

UDK 94(41/99)+271.2-47(470.23-25)=(511.113)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_270
EDN WNEVAV

Abstract: The history of the Estonian Orthodox diaspora is just beginning to be studied, and therefore the school issue is still practically unexplored. Information from the reports of the Brotherhood of St. Isidor of Yuryev as well as from the documents of the Central State Historical Archive in St. Petersburg allow getting an overview and tracing the development of Estonian parochial schools in the province. The St. Petersburg school certainly dominated, standing out against the background of the Russian parochial schools, but other parochial schools were also quite competitive, to name but in Narva and Gatchina. The strong competition from Russian parish, zemstvo and Lutheran schools made this network of schools difficult to establish, but on the whole they were able to withstand this competition.

Keywords: history of the Russian Church, St. Petersburg diocese, parochial schools, school issue, Estonian schools, parish, primary education, Pavel Kulbusch.

About the author: **Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin**

Ph. D. in History, Ph. D. in Theology, Vice-Rector for Theological Studies, Associate Professor of Church History at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

For citation: Kostromin K., archpriest. Estonian Parochial Schools in the St. Petersburg Diocese. *Khristsianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 270–282.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 28.03.2023.

Институциональное оформление эстонской православной диаспоры Санкт-Петербургской губернии — речь идет о создании в конце XIX в. сети эстонских православных приходов, в 1900 г. объединенных в благочиннический округ, — позволило поставить вопрос о создании системы православного эстонского образования для детей-эстонцев. Лютеранское эстонское большинство в конце XIX в. создало сеть лютеранских школ, осуществлявших также религиозное окормление эстонцев-лютеран. Православные считали необходимым противопоставить ей сеть своих, православных, школ (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 94. Д. 52. Л. 404 об. — 405). Эстонцы в Петербурге и окрестностях активно развивали школьное дело, поддерживая школы, а также эстонцев, получавших образование в русских учебных заведениях, при помощи системы благотворительных обществ [Мусаев, 2009, 58–64, 67–71; Костромин, 2018а, 72–73]. Православное эстонское меньшинство, чувствовавшее себя изгоем как в лютеранской (иноконфессиональной), так и в светской (внерелигиозной) среде, не пользовалось поддержкой этих обществ до появления Русско-эстонского православного братства и благочиния русско-эстонских приходов Петербургской епархии (см.: [Шкарковский, 2018; Костромин, 2019б; Костромин, 2019в; Костромин, 2019д]). Создание школ при православных церквях в какой-то степени является трансляцией образовательной системы, созданной в Эстляндии (см.: [Дубьева, 2018]), а также сети церковно-приходских школ, поддерживавшихся Православным Прибалтийским братством, действовавшим в Петербурге (см.: [Отчет общества за 1895–1896]). Важно подчеркнуть, что речь идет о школьном православном образовании, которое, с одной стороны, не было чисто религиозным, а с другой — не сводилось к простоте обыкновенных школ грамоты.

Православная эстонская диаспора Санкт-Петербургской губернии изучается сравнительно недолго. Основную роль в ее изучении сыграли диак. А. Чижов, А. А. Алексеев, А. В. Берташ, М. В. Шкарковский и особенно В. И. Мусаев. Однако изучение школьного вопроса распределено в историографии явно диспропорционально. Внимание уделялось практически исключительно школе при Свято-Исидоровском русско-эстонском храме Санкт-Петербурга, в то время как школы при других эстонских церквях благочиния чаще всего даже не упоминаются. Исключением стали только школы при Гатчинской Успенской эстонской, Лужской Екатерининской и Кронштадтской Крестовоздвиженской церквях, упомянутые С. А. Тамби [Тамби, 2017а, 160; Тамби, 2017б, 87; Тамби, 2017в, 90]. Однако и школа при Исидоровском храме также описывалась только статично — с приведением самых обобщенных статистических данных и некоторых описаний ее деятельности [Чижов, Алексеев, 1989, 138–139; Мусаев, 2009, 49]. Таким образом, вопрос явно не изучен.

Среди опубликованных источников главную роль играют отчеты Санкт-Петербургского православного эстонского братства во имя смщч. Исидора Юрьевского, сохранившиеся за 1898–1904 и 1908–1915 гг. В них можно найти как общие сведения, так и отдельные эпизоды истории школы при Свято-Исидоровском храме. Несомненно, вся информация, попадавшая в научную литературу, черпалась именно из этих отчетов. Интересно, что в отчетах благочинного IV столичного округа прот. Павла Павловича Виноградова никаких сведений о школе при столичном приходе не имеется. Это делает представление о школе несколько односторонним. Наиболее значительный пласт сведений об эстонских школах благочиния сохранился в документах различных фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Прежде всего это отчеты благочинного эстонских церквей Петербургской епархии прот. Павла Кульбуша, в которых много внимания уделялось состоянию школ. К числу важных документов относятся отчеты по школам благочиний Санкт-Петербургской епархии, в которых есть уточняющая информация по числу учащихся. Важная информация о законоучителях в эстонских приходских школах разбросана по различным делам, связанным с храмами благочиния эстонских приходов. Однако в статье почти не затрагиваются вопросы кадрового обеспечения школ, поскольку они представляют собой отдельную научную проблему.

Школа при эстонском столичном приходе

Православная эстонская школа была открыта в конце 1896 г. и освящена еп. Гурием (Охотиным), бывшим с 1896 г. председателем Училищного Совета при Св. Синоде, через два года после открытия православного эстонского прихода (Отчет братства за 1898–9, 4, 17, 19)¹. Школа находилась в съемном помещении из двух комнат и обеспечивалась средствами от Св. Синода. Для детей из неимущих эстонских семей было заведено общежитие, некоторым детям братство могло оплачивать питание (Отчет братства за 1898–9, 6, 29, 32; Отчет братства за 1900, 24). Учителем был нанят эстонец Павел Иванович Сепп, живший неподалеку, на Торговой ул., 11–7 (Отчет братства за 1898–9, 10; Весь Петербург, 1901, 520), которого в 1900 г. сменил К. П. Пуу (Отчет братства за 1900, 8–9). Законоучительство было взято на себя свящ. Павлом Кульбушем, ему помогал псаломщик К. Ф. Кикаен (Отчет братства за 1898–9, 10, 20). Главная задача школы мыслилась так: «дети эстонцев, начиная обучение при помощи эстонского языка, постепенно переходят на язык русский и оставляют школу не только свободно говорящими по-русски, но и усвоившими целое мировоззрение в духе православной веры» (Отчет братства за 1898–9, 4). Так мыслилась в целом роль православного эстонского прихода [Костромин, 2019а, 181–183].

Если первые страницы истории школы почти не известны, то с момента учреждения в 1898 г. братства во имя сщмч. Исидора Юрьевского она в общих чертах известна. На первом же собрании братства 17 января 1899 г. в зале Санкт-Петербургской городской Думы присутствовал еп. Гурий (Охотин), который «обласкал детей школы» (Отчет братства за 1898–9, 17). С 1899 г. в школе проходили педагогическую практику студенты Духовной академии, знавшие эстонский язык (можно с уверенностью утверждать, что это были студенты предпоследнего курса Павел Кириллович Дав, регулярно читавший лекции в рамках Общества распространения духовно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви (Отчет общества за 1895–1896, 72, 75, 80, 81 и др.); Василий Антонович Мартинсон, ставший инспектором и ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и другом прот. Павла Кульбуша; Иван Юрьенс, Василий Ристькок, Яков Альберт, Евгений Антсон (Отчет братства за 1898–9, 20; Отчет братства за 1900, 8)). Кроме того, организацию безвозмездного обучения детей рукоделию взяла на себя руководитель первой частной профессиональной школы М. А. Коробова, предоставившая пять учительниц и материалы для занятий (Отчет братства за 1898–9, 25–26); [Начальное и среднее образование, 2000, 258].

Школьники активно участвовали в богослужебном хоре эстонского прихода (Отчет братства за 1898–9, 23). Совет братства с 1899 г. проводил для детей школы торжественную рождественскую елку, на первой из них побывал даже епископ Гдовский Вениамин (Казанский), бывший председателем братства (Отчет братства за 1898–9, 25, 40, 42–43). В 1899 г. дети ездили в Казанский собор на школьный праздник 11 мая, а также в Александро-Невскую лавру и в зоологический сад (Отчет братства за 1898–9, 40), в 1900-м — в Петергоф (Отчет братства за 1900, 23). В 1901 и 1902 гг. елку посетил новый председатель братства епископ Гдовский Константин (Бульчев) (Отчет братства за 1901, 15–16; Отчет братства за 1902, 12), в 1904-м — епископ Гдовский Кирилл (Смирнов) и епархиальный наблюдатель прот. А. М. Азиатский (Отчет братства за 1904, 22).

Школа оказалась очень востребованной. Со сменой в 1900 г. учителя «наплыв учеников в школу... так велик, что при крайнем переполнении ее все-таки почти половине пришлось отказать», особенно из-за переполнения общежития (Отчет братства за 1900, 22). В 1901 г. для школы сняли новое помещение, более просторное, по адресу: Екатерингофский пр., 75, кв. 3; деньги на аренду поступали из Св. Синода. В этом же году было налажено медицинское обслуживание детей (Отчет братства за 1901, 10–11, 16–17; Отчет братства за 1904, 23). В 1902 г. уже заявлялось, что синодальных денег для школы оказалось недостаточно; если судить по перечню частных пожертвований

¹ Это первое описание петербургской церковной эстонской школы.

и благотворительно выполненных работ, школа была очень слабо оснащена даже необходимыми бытовыми предметами (Отчет братства за 1902, 12, 21, 30–31; Отчет братства за 1903, 17–18, 28). Построение храма для православных эстонцев мотивировалось прежде всего необходимостью вести просветительскую работу и открыть полноценную церковно-приходскую школу (ЦГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 8057. Л. 1–1 об.). Качество преподавания в школе отмечалось на общепархиальном уровне (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 35). Также она занимала 9-е место в городе по числу учащихся (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 21).

Временная приостановка строительства храма в 1904 г. дала возможность направить все возможные усилия на достройку дома, где должна была располагаться школа (Отчет братства за 1904, 23–24). 1 августа 1904 г. школа переехала из съемного помещения в построенный братский дом, 6 октября она начала работу (Отчет братства за 1904, 17, 25–26)². В новом здании школа располагала тремя аудиториями (две из которых оказались задействованы для богослужебных нужд во временном храме, расположенном в актовом зале), рассчитанными на 40–50 человек каждая, актовым залом, общежитием со спальнями, больничной комнатой, столовой, кухней, служебным помещением и двумя комнатами для преподавателей (до освящения основного храма в 1907 г. школа вынуждена была тесниться в оставшихся помещениях) (Отчет братства за 1901, 24; Отчет братства за 1904, 24–25). Удалось увеличить количество учащихся: в 1904 г. их стало 107 (25 мальчиков и 25 девочек поселили в пансион при школе)³. Помимо полного пансиона (родители оплачивали только питание и наем прислуги), в школе предоставлялся бесплатный комплект учебников; обучение также было бесплатным. Обучение шло с 9 до 14 часов (Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, геометрия, география, история, естествознание, пение, черчение, чистописание и (для девочек) рукоделие), в качестве послеобеденного факультатива предлагались уроки пения, а также французский и немецкий языки. Школа была двухклассной, обучение — пятилетним. Преподавание в младшем отделении начиналось на эстонском, с последующим переходом на русский. Расходы по расширению школы были в основном покрыты из средств Св. Синода. Преподавание вели две учительницы, все члены причта и три прихожанки (Отчет братства за 1904, 19, 22). Однако расширение школы влекло за собой увеличение расходов, покрытие которых представляло значительную проблему, особенно если учесть, что храм строился в значительной степени в долг (Отчет братства за 1904, 20–21, 37); (см.: [Костромин, 20186]). Отсутствие отчетов братства за 1905–1907 гг. не дает возможности проследить историю школы в период Первой русской революции.

Церковно-приходские школы благочиния

В 1899 г., еще до создания благочиния эстонских приходов, была открыта церковно-приходская православная эстонская школа в Луге (относившейся тогда ко 2-му Царскосельскому благочинническому округу). Уже тогда в ней училось 38 человек — 27 мальчиков и 11 девочек (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 17. Л. 23); [Тамби, 2015, 41]. Это была первая эстонская православная школа за пределами столицы. В 1900 г. открылась эстонская церковно-приходская школа при гатчинском Павловском соборе. Тогда же «была открыта школа в Заянье, но за незнанием эстонского языка псаломщиком, только читающим по-эстонски, но не понимающим его, закрылась» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 288). Священник Павел Кульбуш упоминал в отчете о деятельности братства за 1898–1899 гг. о неких «миссионерских поездках через эстонские школы вне Петербурга» (Отчет братства за 1898–9, 22). О каких школах идет речь, неясно.

² Это заставило сделать достаточно подробное описание школы в Отчете. По отчету, направленному митрополиту, школа начала работу в декабре (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 936. Л. 1).

³ Школа была рассчитана на 150 учащихся (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 936. Л. 1).

Созданное в 1900 г. благочиние эстонских приходов должно было интенсифицировать развитие школьного дела [Клевцова, 2017]. Однако поскольку начинать его приходилось практически с нуля, как и создание полноценных эстонских приходов, первые годы благочиние было смешанным — русско-эстонским, где эстонские приходы создавались из русских и потому в отчетности рассматривались вместе. То же было и со школьным вопросом. В 1900 г. русские приходские школы рассматривались вместе с эстонскими. Более того, в тот момент молодой благочинный священник Павел Кульбуш еще думал об их совместной деятельности: «По свидетельству самого местного духовенства, в Нарве школа для русских детей необходима, и есть возможность ее завести, нашлись бы и средства. Если в школу определить помощником учителя, знающего эстонский язык, или обязать эстонского диакона о. Колчина принять деятельное участие в школе, то школа могла бы удовлетворить нуждам и эстонцев, коих около Знаменской церкви в Нарве много» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 282 об.). Эта школа открылась в конце 1900 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 15. Л. 139).

Священник Павел Кульбуш надзирал за русскими приходами только три года и оказался свидетелем того, как начатые задолго до его назначения планы реализовывались: в 1901 г. для русско-эстонских школ были построены двухэтажные каменные здания в Гатчине и Нарве, имелось хорошее здание для школы в Луге (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7. Л. 86 об.).

В 1902 г. были открыты церковно-приходские русско-эстонские школы в Кронштадте и деревне Клопицы (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 51). Это был рискованный шаг, поскольку у них была двойная конкуренция: как со стороны русских церковно-приходских школ, так и со стороны земских школ (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 36. Л. 30 об.). Так, в Гатчине на 28 учеников первого набора приходилось 127 учеников русской школы при Павловском соборе, а в Луге на 56 учеников в эстонской — 180 в русской (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 51). В 1903 г. русская школа в Луге получила дальнейшее развитие — ее разделили на школу для мальчиков и школу для девочек (при сохранении того же числа учеников), а Гатчинская русская даже стала уступать: число русских стало сокращаться, в то время как число эстонских детей выросло более чем вдвое (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 56). В Нарве русская церковно-приходская школа открылась синхронно с эстонской (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 282 об.; Д. 15. Л. 137), поэтому здесь конкуренция была почти равной: на 110 учеников эстонской Нарвской школы приходилось 103 ученика в русской церковно-приходской. Примерно та же картина первоначально наблюдалась и в Клопицах: на 32 ребенка в эстонской школе приходилось 27 в русской (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 51). Дальнейшее соотношение выстраивать труднее, так как русские приходы были выделены из состава благочиния и переданы в территориальные благочиннические округа. Для сравнения динамики развития эстонских и русских приходских школ приведена также статистика за 1910 г., по данным как благочинного эстонских приходов, так и благочинных русских приходов, которым подчинялись школы соответствующих населенных пунктов.

	1902 ⁴		1903 ⁵		1910	
	русские	эстонцы	русские	эстонцы	русские	эстонцы ⁶
Луга	180	56	181	128	219 ⁷	45
Нарва	103	110	138	111	159 ⁸	112

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 51.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 56.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 11.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 58.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 9.

Гатчина	127	28	121	63	186 ⁹	86
Клопицы	27	32	41	27	19 ¹⁰	–
Заянье					47 ¹¹	14

Вообще же сведения о количестве учащихся дошли до нашего времени лишь частично. Так, не имеется сведений о количестве учащихся эстонской приходской школы в Петербурге, поскольку сведения о них не включались в сводную таблицу по эстонскому благочинию, а отчеты по другим благочиниям сохранились далеко не все. По эстонским приходам также статистика сохранилась не за все годы существования благочиния. Пока русско-эстонское благочиние было единым, в нем имелись четыре школы грамоты (у Гатчинского прихода – Парицкая и Вощинская, у Лужского прихода – Естомицкая, у Клопицкого прихода – Ольховская). После отделения в 1904 г. русских приходов и создания чисто эстонского благочиния школы грамоты в нем исчезли и никто не пытался их открывать, даже взамен закрывавшихся церковно-приходских, поэтому подробнее они не описываются. Однако можно отметить, что теперь школы были при всех эстонских приходах, даже при проблемном приходе в Заянье.

	1902 ¹²			1903 ¹³			1904 ¹⁴			1905 ¹⁵		
	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>
Луга	38	18	56	80	48	128	90	52	149	16	14	30
Нарва	84	26	110	62	49	111	49	62	111	60	75	135
Кронштадт	18	8	26	21	11	32	9	18	27	10	20	30
Гатчина	16	12	28	41	22	63	41	22	63	33	27	60
Клопицы	12	20	32	10	17	27	10	17	27	22	19	41
Заянье	–	–	–	–	–	–	21	18	39	26	19	45

	1909 ¹⁶			1910 ¹⁷			1916 ¹⁸		
	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>	<i>мал.</i>	<i>дев.</i>	<i>всего</i>
Луга	17	9	26	28	17	45	28	20	48
Нарва	65	55	120	76	36	112	66	64	130
Кронштадт	16	21	37	21	24	45	28	30	58
Гатчина	35	65	100	32	54	86	50	44	94
Клопицы	12	8	20	–	–	–	–	–	–
Заянье	6	4	10	6	8	14	12	18	30
Волгово	–	–	–	–	–	–	17	15	32

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 63 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 22.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 4 об. – 5.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 51.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 46. Л. 56.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 41. Л. 38.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 32. Л. 28.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 39. Л. 5.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 11.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 109. Д. 48. Л. 5.

Общая динамика численности учащихся косвенно показывает как результаты конкуренции с русскими церковными и земскими школами, так и качество преподавания в них. Школа в Луге сильно «просела» в 1904 г. с разделением русской и эстонской частей: 4/5 всех детей-эстонцев остались в русской школе, и в дальнейшем рост школы был не очень значительным, достигнув к 1917 г. трети от бывшего числа эстонцев. Нарвская школа была традиционно многолюдной и не испытала заметных колебаний. Во втором десятилетии XX в. намечился рост кронштадтской школы, который был прерван революционными событиями. Напротив, гатчинская школа активно росла в первом десятилетии, достигнув к 1909 г. своего максимума, и даже в 1912–1913 гг. она занимала 9-е место по числу учащихся среди церковно-приходских школ Царскосельского благочиния (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 21). Школа в Клопицах испытала расцвет только в 1905 г., а затем стала увядать и в 1910 г. закрылась.

При этом общая численность учащихся церковно-приходских эстонских школ также испытала сложную динамику. Первые пять лет число эстонцев росло, затем, с разделением русских и эстонских школ, оно пошло на убыль, но к середине второго десятилетия восстановилось почти до уровня 1904 г.

1902		1903		1904	1905	1909	1910	1916
русские	эстонцы	русские	эстонцы	эстонцы				
437	226	481	329	416	341	313	302	392

История школ в полном объеме невосстановима, однако особые черты каждой из них поддаются описанию на основании сохранившихся источников.

Лужская школа имела большие перспективы хотя бы потому, что у нее изначально имелось собственное, хотя и небольшое здание, притом что «на весь огромный лужский уезд она для православных эстонцев единственная» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 260 об.). В начале 1903 г. к нему была сделана пристройка, что позволило увеличить объем школы вдвое (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 31. Л. 313 об.). «В ней было к Рождеству (1902 г. — *прот. К. К.*) около 125 чел. детей эстонцев. Дошло до того, что опустела местная лютеранская школа» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 32. Л. 412 об.). Однако, как говорилось выше, численность учащихся эстонской школы в 1904 г. резко сократилась. Благочинный объяснял это внутренними неурядицами — разногласиями между местным наблюдателем и заведующим (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 32. Л. 412 об.). При этом качество образования в начале второго десятилетия оценивалось как выдающееся (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 35). В 1912 г. в эстонскую школу была направлена новая русская учительница из выпускниц Исидоровского училища (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 58).

Школа в **Гатчине** привлекала к себе особое внимание. Прежде всего тем, что Гатчинский уезд оказался наиболее интересным для эстонских крестьян, а также тем, что это были земли придворного ведомства и можно было рассчитывать на его помощь. Первоначально она производила неприятное впечатление. Она располагалась в съемном помещении в центре города, где аренда стоила очень больших денег (420 руб. в год), и служила «лишь интересам многосемейного псаломщика-учителя, освободившего себя от всех желающих пользоваться общежитием деревенских эстонских детей и обратившего назначенные под общежитие комнаты в добавление к своей квартире». Разительный дисбаланс в пользу русских, евреев, лютеран (повидимому, разных национальностей) вызывал раздражение благочинного (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 260 об.). В начале 1902 г. псаломщик был заменен (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 94. Д. 52. Л. 404), и дело постепенно пошло на лад, хотя теснота съемного помещения еще несколько лет мешала развитию, а попечительство медленно шло к постройке храма со школой. Священник Адам Симо стал служить в школе всенощные бдения (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7. Л. 87 об. — 88), что должно было привлечь к ней дополнительное внимание. Гатчинская школа славилась уроками рукоделия (их вела

г-жа Е. Лимберг) (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 37)). У школы был активный благодетель — купец 2-й гильдии П. В. Цырин (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 83).

Нарвская школа начала работу в самом конце 1900 г.: «Число школ, в которых обучаются не понимающие русского языка эстонские дети, кончающие таковые школы свободно говорящими по-русски, увеличилось в отчетном году на одну, именно в Нарве, благодаря материальной поддержке попечителя школы О. Ф. Филиппова» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 15. Л. 139). Первоначальное съемное помещение было очень тесным, так что 70 детей с трудом умещались в двух комнатах, однако работа самой школы воспринималась как очень перспективная (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 260 об. — 261). Со временем подходящее помещение удалось найти (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 41. Л. 417 об.).

Особая ситуация сложилась в **Кронштадте**. Первоначально церковно-приходской школы при Андреевском соборе не было, и ее не собирались открывать, несмотря на намеки молодого благочинного. Понимая перспективность своих пожеланий, он вынужден был констатировать, что «в Кронштадте же Андреевское попечительство имеет школу, но кому неизвестно, что альфа и омега всего дела попечительства и Дома Трудолюбия досточтимый о. Иоанн. Это его личное дело, и Господь поможет ему поставить все на самую твердую почву и вполне обеспечить» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 282 об. — 283). Такая ситуация была наиболее удобна для о. Иоанна Кронштадтского, так как эта школа, будучи вполне церковной по сути, по форме не принадлежала церковному ведомству и фактически была частной. Это избавляло школу от следования циркулярам и от надзора со стороны Синодального ведомства. Поэтому статистические данные этой школы также не попали в поле зрения русско-эстонского благочинного. Кроме того, в 1900 г., отмечая необходимость открытия школы, о. Павел писал, что «большим препятствием к открытию школы к Кронштадте, тоже необходимой, служит неопытность в школьном деле и малограмотность эстонского псаломщика-диакона Лавреньева». Эта проблема полностью так и не была решена, так как диак. Иосиф Лаврентьев продолжал служить в православном эстонском приходе Кронштадта до 1913 г. [Бовкало]. Впрочем, есть сведения, что кронштадтские эстонцы достаточно легко и массово переходили на русский язык [Тамби, 2017в, 82]. Открытию школы пытался содействовать военный губернатор Кронштадта адмирал С. О. Макаров: «в созданной для того комиссии намечены три участка под церковь-школу — два военного ведомства и одно городское» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 7. Л. 88). Для школы первоначально использовалось съемное помещение, которое снимал купец Н. А. Туркин (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 94. Д. 52. Л. 404), затем он же приобрел бывшее здание англиканской церкви, где поместились и школа, и храм [Тамби, 2017в, 88–90].

Уникальная по-своему ситуация сложилась и в деревне **Клопицы** — здесь русская земская школа была одновременно и церковно-приходской: «школа расположена у самой церкви, и хотя она по названию земская, но по духу видимо церковно-приходская. <...> Дети читают, поют и прислуживают в церкви за каждым богослужением; стараниями учителя П. Храмова организован прекрасный хор; усердие к храму видно необычайное», — констатировал о. Павел Кульбуш (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 283). Однако школу планировалось открыть. Препятствием была малограмотность местного псаломщика (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 15. Л. 139–139 об.). К 1902 г. школа действовала силами причта, прихожане собирали на отопление и свет, а на наем помещения получали субсидию Училищного совета (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 94. Д. 52. Л. 404). К 1903 г. школа была переполнена и очень нуждалась в собственном здании (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 31. Л. 313 об.). Вот как описывал благочинный то, что было в распоряжении прихода: «Из школ беднее всего поставлена Клопицкая эстонская. Она устроена в крестьянской избе, вмещающей лишь 20 человек. Большого помещения в селе не найти, а между тем многим отказано и среди прихожан ропот» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 95. Д. 32. Л. 412 об. — 413). В ноябре 1904 г. этот дом сгорел (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 41. Л. 418), что заставило решать вопрос срочно. Местный землевладелец П. П. Синябрюхов построил отличный дом с общежитием и полностью оборудовал его всем необходимым

(ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 37. Л. 319 об.), но в 1909 г. школа закрылась, так как новый псаломщик плохо знал эстонский язык и был нетактичен в общении с прихожанами. Земские школы оттянули на себя почти всех детей, и здание отошло местной русской церкви (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 102. Д. 36. Л. 28).

Мимолетное появление школы в **Заянье** в 1900 г. оставило след: школа здесь была крайне важна для конкуренции с многочисленными лютеранскими, однако долго не находилось учителя. То псаломщик оказался для этого дела негоден, то хорошего псаломщика перевели для усиления гатчинского прихода (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 282 об.; Д. 15. Л. 139 об.; Оп. 94. Д. 52. Л. 404–404 об.). Вопрос долго не сдвигался с места, пока в 1904 г. для школы в Заянье не было построено новое здание, частично профинансированное Св. Синодом (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 96. Д. 41. Л. 417 об. — 418); [Тамби, 2019, 300]. В 1905 г. о. Павел Кульбуш уже мог с гордостью отметить имевшуюся в заянской школе прекрасную библиотеку (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 37. Л. 319 об.).

Про волговскую школу сведений не сохранилось. Следует также упомянуть русскую церковно-приходскую школу в Шавково, потому что в деревне имелся эстонский приход, а дети из него (50 человек) явно посещали эту школу (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 103. Д. 73. Л. 4 об. — 5). Школа выделялась качеством образования (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 35). Благочинный неоднократно упоминал населенные пункты, где было бы полезно открыть эстонские церковно-приходские школы: село Поречье (Мишкино) Шлиссельбургского уезда (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 15. Л. 139) и Хмеры Лужского уезда (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 261 об. — 262).

В 1912–1913 гг. эстонские школы продемонстрировали очень высокое качество церковного пения. Так, в годовом отчете епархиального наблюдателя упомянута эстонская школа по Лужскому уезду (пение преподавал К. Лийк), по Петергофскому уезду кронштадтская эстонская заняла третье место (преподаватель — И. Сикк) и по Гатчинскому уезду гатчинская эстонская была второй после Гатчинской соборной (преподаватель — И. Якобсон) (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 34–35).

Все эстонские школы имели библиотеки и книжные склады (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 37. Л. 320), во всех имелись хотя бы небольшие общежития для детей, чем могли похвастать далеко не все церковно-приходские школы. Правда, полный пансион при школах эстонские приходы из-за бедности предоставить не могли, ограничиваясь только содержанием прислуги и помещений (Отчет наблюдателя в 1912–1913, 41; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 62. Л. 46).

Одной из основных целей деятельности школ было изучение эстонскими детьми русского языка. Впоследствии они могли бы легко инкультурироваться в русские приходы, что и наблюдалось в столице (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13. Л. 288 об. — 289; Оп. 109. Д. 56. Л. 33 об.); [Костромин, 2019г, 181–183]. Это было нужно не столько ради самих русских приходов и не только ради заботы об эстонских переселенцах, сколько с целью оторвать их от потенциальной лютеранской проповеди, в том числе через лютеранские школы, которых было очень много и в которых совершались регулярные богослужения на эстонском языке (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 92. Д. 15. Л. 139 об.; Оп. 94. Д. 52. Л. 404–405), а также от пропаганды сектантов (штундо-баптистов) (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 9. Л. 261 об. — 262) (см.: [Амбарцумов, 2011]). Наличие русских детей в эстонских школах (в Кронштадте, Нарве, Гатчине, Луге) облегчало переход на русский язык в преподавании через некоторое время после начала обучения (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 62. Л. 46–46 об.; Оп. 109. Д. 56. Л. 33 об.).

Выводы

Постепенное становление эстонских православных церковно-приходских школ проходило неравномерно и зависело от целого ряда причин. Прежде всего они должны были преодолеть конкуренцию со стороны земских и русских церковно-приходских школ, ставивших примерно ту же задачу — получение детьми достаточного начального

русского образования, с акцентом на вовлечении их в русскую традиционную культуру. Кроме того, немалую конкуренцию составляли и эстонские лютеранские школы, число которых было на порядок выше, чем число православных школ, и в которых обучение велось с использованием эстонского языка, что должно было особенно нравиться тем, кто хотел бы сохранить максимальные связи с национальной культурой. Правда, лютеранские школы сталкивались часто с той же кадровой проблемой, что и православные, — не во все лютеранские школы получалось отправить одинаково просвещенных педагогов, знавших при этом эстонский язык. Хотя масштабы лютеранской сети школ были значительно больше, тем не менее сдерживающий фактор засилия немцев в Прибалтике давал здесь свои плоды, делая конкуренцию не столь безнадежной для православных школ. Этот же момент сдерживал и возвращение православных эстонцев в лютеранство, так как до 90% соплеменников было лютеранами и, таким образом, «русская вера» заставляла православных эстонцев чувствовать себя в некоторой степени изгоями в этническом отношении. То, что в эстонских православных школах преподавание хотя бы в начале должно было вестись на эстонском языке (требование свящ. Павла Кульбуша), делало их привлекательными для эстонцев губернии.

Как показывает динамика, дело, начатое практически с нуля, в целом удалось. Не все школы одинаково состоялись, а некоторые не выдержали конкуренции, однако они заняли свою нишу в церковном начальном образовании в Петербургской губернии. Как видно из отчетов, имевший первоначально более обширные планы благочинный прот. Павел Кульбуш к концу 1910-х гг. перестал планировать расширение сети школ или преобразование уже имеющихся. Поэтому дальнейший потенциал этих школ остается неизвестным. При том что численность эстонского населения города и губернии до 1917 г. неуклонно росла [Мусаев, 2009, 29–46], перспективу развития эстонских школ необходимо было предусмотреть. Особняком стоит школа в Петербурге, которая развивалась по тем же принципам, по каким развивались русские церковно-приходские школы, и занимала среди них заметное место по численности учащихся. Эстонские школы регулярно отмечались за определенные успехи, также позволявшие им выдерживать конкуренцию. Революционные события 1917 г. негативно сказались на их деятельности, хотя некоторые областные школы еще действовали некоторое время.

Источники и литература

Источники

1. Весь Петербург (1901) — Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1901 год. СПб., 1901.
2. Двадцатипятилетие (1907) — Двадцатипятилетие деятельности состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Прибалтийского православного братства. СПб., 1907.
3. Отчет братства за 1898–9 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1898–9 год. СПб., 1900.
4. Отчет братства за 1900 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1900 год. СПб., 1901.
5. Отчет братства за 1901 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1901 год. СПб., 1902.

6. Отчет братства за 1902 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1902 год. СПб., 1903.
7. Отчет братства за 1903 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1903 год. СПб., 1904.
8. Отчет братства за 1904 — Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1904 год. СПб., 1905.
9. Отчет общества за 1895–1896 — Отчет о деятельности Высочайше утвержденного 4 апреля 1881 года Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1895–1896 г. (пятнадцатый год существования Общества). СПб., 1896.
10. Отчет наблюдателя в 1912–1913 — Отчет С.-Петербургского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ С.-Петербургской епархии в 1912–1913 учебном году. СПб., 1914.
11. ЦГИА СПб — Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 92. Д. 13, Д. 15, Д. 17; Оп. 93. Д. 7, Д. 9; Оп. 94. Д. 52; Оп. 95. Д. 31, Д. 32, Д. 35; Оп. 96. Д. 41, Д. 46; Оп. 97. Д. 32, Д. 37, Д. 41; Оп. 102. Д. 36, Д. 39; Оп. 103. Д. 73; Оп. 105. Д. 62; Оп. 109. Д. 48, Д. 56; Оп. 115. Д. 936; Ф. 792. Оп. 1. Д. 8057.

Литература

12. Амбарцумов (2011) — *Амбарцумов И. В.* Русский штундизм, общество и власть в XIX — начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 5 (42). С. 30–47.
13. Бовкало — *Бовкало А. А.* Санкт-Петербургская епархия, Петергофский уезд, Кронштадт, Церковь Воздвижения Креста Господня, эстонский приход // Сайт Александра Александровича Бовкало. URL: <http://petergen.com/bovkalokl/spbpfkronest.html> (дата обращения: 13.02.2023).
14. Дубьева (2018) — *Дубьева Л.* Совет по делам православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний как орган управления народным образованием // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е — 1930-е гг. / Под ред. И. Пярт. Тарту: University of Tartu Press, 2018. С. 115–142.
15. Клевцова (2017) — *Клевцова О. В.* Церковно-приходские школы и школы грамоты дореволюционной России в системе воспитания крестьянской молодежи // Макарьевские чтения. Материалы XII международной научной конференции. Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета, 2017. С. 123–129.
16. Костромин (2018а) — *Костромин К. А.* Братство при приходе или приход при братстве? К истории русско-эстонского Православного братства во имя священномученика Исидора Юрьевского в Петербурге // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 27. Лето 2018. М., 2018. С. 65–79.
17. Костромин (2018б) — *Костромин К., прот.* «Постройка храма грозит стать предметом столичного скандала...» К истории Православного русско-эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 38–52.
18. Костромин (2019а) — *Костромин К. А.* Религиозность православных эстонцев Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX веков // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 196–204.
19. Костромин (2019б) — *Костромин К. А.* Священномученик Платон, епископ Ревельский — протоиерей Павел Кульбуш как благочинный эстонских приходов Петербургской (Петроградской) епархии (к 100-летию мученической кончины) // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.). Екатеринбург: ЕДС, 2019. С. 73–79.

20. Костромин (2019в) — *Костромин К. А.* Эстонское благочиние Санкт-Петербургской епархии // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4 (24). С. 196–209.
21. Костромин (2019г) — *Костромин К., прот.* Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского) // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 180–190. DOI: 10.24411/1814–5574–2019–10017
22. Костромин (2019д) — *Костромин К., прот.* Эстонское благочиние Петербургской епархии в 1900–1917 годах // Актуальные вопросы церковной науки. Научный журнал. 2019. № 2. С. 49–56.
23. Мусаев (2009) — *Мусаев В. И.* Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009.
24. Начальное и среднее образование (2000) — Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века: Сб. документов. СПб.: Лики России, 2000.
25. Тамби (2015) — *Тамби С. А.* Эстонские переселенцы в Лужском крае: из этнической истории Северо-Запада России // Лужский край: историко-краеведческий сборник. Вып. 6. Луга: Изд-во Голубева, 2015. С. 32–58.
26. Тамби (2017а) — *Тамби С. А.* Гатчинские эстонцы: история и современность // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб.: Любавич, 2017. № 2 (6). С. 157–174.
27. Тамби (2017б) — *Тамби С. А.* Лужские эстонцы // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 85–92.
28. Тамби (2017в) — *Тамби С. А.* Эстонцы в Кронштадте // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб.: Любавич, 2017. № 3 (7). С. 81–107.
29. Тамби (2019) — *Тамби С. А.* Плюские эстонцы: из этнической истории северо-запада России (по материалам периодики) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 2. С. 293–311. DOI: 10.35634/2224–9443–2019–13–2–293–311
30. Чижов, Алексеев (1989) — *Чижов А., диак., Алексеев А. А.* Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге–Петрограде–Ленинграде // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 133–142.
31. Шкаровский (2018) — *Шкаровский М. В.* Эстонские православные приходы в Санкт-Петербургской епархии // Православие в Балтии. 2018. № 7 (16). С. 57–72.